

Информация для цитирования:

Полич С. Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 664–684. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684.

Polich S.B. *Nekotorye osobennosti pravosub"ektnosti lits – uchastnikov grazhdanskikh i semeynykh otnosheniy* [Some Peculiar Features of Legal Personality of Persons Participating in Civil and Family Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018. Issue 4. Pp. 664–684. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684.

УДК 347.155+611.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЛИЦ – УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. Б. Полич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и гражданского судопроизводства

Южно-Уральский государственный университет
454091, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ResearcherID: G-1404-2018

ORCID: 0000-003-1021-2552

E-mail: poli1331@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.05.2018

Введение: вопросы правосубъектности отдельных лиц, групп и образований *de-facto* исследуются в правовой доктрине незначительно, поскольку внимание ученых подчинено проблемам изучения правосубъектности в целом как правовой категории. Ни в гражданском, ни в семейном праве до настоящего времени не достигнуто консенсуса относительно юридического содержания категории «правосубъектность». Поэтому вопросам правосубъектности отдельных физических лиц, равно отдельных социальных групп и образований уделяется недостаточное правовое внимание. **Цель:** исследовать особенности правосубъектности отдельных лиц, социальных групп, публичных и непубличных образований. Правовую категорию «правосубъектность» попытаться использовать как правовую границу между субъектами и объектами гражданских правоотношений. Обосновать необходимость (либо отсутствие таковой) квалификации правосубъектности семьи как социальной группы. **Методы:** методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: диалектической и формальной логики, комплексного анализа, сравнения и обобщения, а также системный метод познания. **Результаты:** правосубъектность в гражданском праве представляет собой самостоятельную юридическую форму, в которую облакаются участники гражданских правоотношений. Не исключение – семейное право. Правосубъектность некоторых лиц, участников гражданских и семейных отношений, имеет свои характерные особенности. **Выводы:** правосубъектность физических лиц может возникать до рождения физического лица и не прекращаться его смертью, что является особенностью их правового поло-

© Полич С. Б., 2018

жения в правовом пространстве. Современные реалии гражданского оборота свидетельствуют о возможности надления правосубъектностью виртуальных лиц (роботов), как проекцию, замещение физических лиц. Однако надление правосубъектностью виртуальных лиц пока всецело зависит от воли физических лиц. Особенность правосубъектности юридических лиц и публичных образований состоит в том, что она носит характер привилегии, бонуса, признания. Уникальность данной правосубъектности обусловлена коллективными ресурсными способностями и возможностями участников (публичных образований и юридических лиц). Лица, состоящие в семейных отношениях (супруги), и лица, не состоящие в браке и семье, наделяются абсолютно равной гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью, однако неравной семейной правосубъектностью. Поскольку категория правосубъектности свойственна публичным образованиям и юридическим лицам (отдельным социальным группам), то это предполагает возможность ее применения в некоторых правовых ситуациях для квалификации семьи.

Ключевые слова: гражданская правоспособность; гражданская дееспособность; гражданская правосубъектность; правосубъектность nasciturуса; правосубъектность умершего лица; правосубъектность виртуального лица; правосубъектность юридических лиц и публичных образований; семейная правосубъектность; правосубъектность семьи

SOME PECULIAR FEATURES OF LEGAL PERSONALITY OF PERSONS PARTICIPATING IN CIVIL AND FAMILY RELATIONS

S. B. Polich

South Ural State University
76, Lenina prospekt, Chelyabinsk, 454091, Russia

ORCID: 0000-003-1021-2552

Researcher ID: G-1404-2018

E-mail: poli1331@yandex.ru

Received 04.05.2018

Introduction: issues of legal personality of individuals, groups and entities are de facto insignificantly studied in legal doctrine, since scientists focus their attention on the problems of studying legal personality in general as a legal category. Neither civil nor family law has reached a consensus on the legal substance of the category of legal personality. Therefore, insufficient 'legal attention' is paid to the issues of legal personality of individuals, as well as separate social groups and entities. **Purpose:** to study the peculiar features of legal personality of individuals, social groups, public and non-public entities; try using the legal category of legal personality as a legal boundary between subjects and objects of civil legal relations; to justify the necessity (or lack of such) to qualify legal personality of the family as a social group. **Methods:** the methodological framework of the research is based on a set of scientific cognition methods: dialectical and formal logic, complex analysis, comparison and generalization, as well as the system cognition method. **Results:** legal personality in civil law is an independent legal form covering the participants of civil legal relations. Family law is not an exception. Legal personality of some individuals participating in civil and family relations has its own peculiar features. **Conclusions:** legal personality of individuals can arise before the birth of an individual and does not cease after his/her death, which is a feature of their legal status in the 'legal space'. Modern realities of civil circulation indicate the possibility of assigning legal personality to virtual persons (robots) as a projection, a replacement of individuals. However, assignment of legal personality to virtual persons depends entirely on the will of individuals.

A peculiar feature of legal personality of legal entities and public entities is that it has the nature of a privilege, a bonus, a recognition. The uniqueness of such legal personality is predetermined by the collective resource capabilities and opportunities of the participants (public entities and legal entities). Married individuals (spouses) and single individuals are vested with an absolute equal legal capacity and civil competence, but unequal family legal personality. Since the category of legal personality is typical of public entities and legal entities (separate social groups), it implies its applicability in certain legal situations to qualify the family.

Keywords: civil capacity; civil competence; civil legal personality; legal personality of the nasciturus; legal personality of the deceased; legal personality of the virtual person; legal personality of legal entities and public entities; family legal personality; legal personality of the family

Введение

Чтобы рассмотреть особенности правосубъектности отдельных лиц, групп и образований в гражданских и семейных правоотношениях, для начала следует охарактеризовать саму правовую конструкцию «правосубъектность».

В российской юриспруденции, точнее цивилистике, до настоящего времени не достигнуто единого понимания в части юридической трактовки данной категории.

Достаточно упомянуть выдающегося советского цивилиста С.Н. Братуся, не «видевшего» в одной из своих первых работ «различий» между правосубъектностью и правоспособностью [6, с. 6].

Известный советский цивилист О. А. Красавчиков детально занимался исследованием этой правовой конструкции, поэтому позволим «веерно» процитировать суждения, отражающие само существо данной юридической формы.

«Категория правосубъектности является одной из ключевых, методологических в нашей правовой науке. Констатация этого положения вряд ли требует приведения пространной аргументации. Достаточно, видимо, напомнить о той существенной и в равной мере специфической роли, которую играет правосубъектность в механизме правового регулирования социалистических общественных отношений» [11, с. 7].

«Правосубъектность относится к числу наиболее общих (базовых) категорий советской науки гражданского права. Подобно юридической норме, правоотношению, юридическому факту и иным аналогичным правовым феноменам, правосубъектность является одним из важнейших элементов правовой системы нашего государства. Общий характер категории правосубъектность обнаруживает себя в целом ря-

де различных взаимосвязанных аспектов и, в частности, в том, что абсолютно все участники гражданских правоотношений (в большей или меньшей степени) правосубъектны» [11, с. 11].

Мы видим, что в так называемый советский период развития цивилистики правовой конструкции «правосубъектность» придавалось решающее значение, аккумулировалась необходимость детального исследования этой юридической категории.

Но так ли необходимо это детальное исследование, что оно позволяет выявить, какие закономерности общественного развития установить, а главное, актуальным ли является исследование правосубъектности отдельных лиц, групп и образований?

Ответом к поставленному вопросу станет вполне уместная цитата известного советского и российского теоретика права С. С. Алексеева: «Главное, концептуально настроиться на то, что именно таким путем, в основном через юридические конструкции, другие структурные построения только и возможно вывести юридические знания на уровень соответствующий требованиям современной эпохи. И значит, на уровень максимально высокого их служения практике, решению сложных жизненных проблем» [2, с. 15].

Категория правосубъектности необходима тогда, когда следует разграничить участников гражданского оборота от тех предметов, объектов, информации, а также иных материальных и нематериальных благ, по поводу которых именно субъекты гражданских прав и взаимодействуют друг с другом.

Используя простые логические правила, допуская и применяя формальный анализ применяемых словесных фраз и выражений, следует напомнить давно сформулированное в цивили-

листике правило, что субъекты права и правосубъектность не равнозначные понятия, равно как никоим образом не следует отождествлять правосубъектность с правоспособностью.

Правосубъектность возникает там, где «намечаются» субъекты гражданских правоотношений. Именно правосубъектность позволяет отграничить субъекты и объекты гражданских прав, или она выступает своеобразным мерилom содержания общественных отношений, регулируемых гражданским правом.

Далее, определяющим критерием правосубъектности является субъективная возможность лица, группы, образования выступать именно участником гражданского оборота, только после реализации данной возможности эти лица, группы, образования становятся субъектами гражданских прав.

Правосубъектность лица, группы, образования «появляется» там, где «появляется» детерминируемая самостоятельно его воля стать полноправным участником имущественного оборота. Эта воля должна быть четко выражена во вне. После «выражения» соответствующей воли любое и каждое лицо, группа, образование ненавязчиво вовлекается в имущественный и неимущественный оборот.

Основной смысл категории «правосубъектность» заключается в том, что **правосубъектность** «раскрывает» *состояние и положение, свойство и статус, структуру и содержание лиц, признаваемых впоследствии субъектами гражданских прав* на текущем этапе экономического и исторического развития.

Сегодня термин «правосубъектность» используется во многих отраслях права, соответственно, имеется упоминание этого понятия в доктрине гражданского права, однако, ради справедливости, заметим – лишь в пределах характеристики правоспособности и дееспособности.

«В юридической литературе не достигнуто единства представлений об элементах, составляющих правосубъектность. Одни авторы отождествляют ее с правоспособностью, другие усматривают в ней два элемента – право- и дееспособность, третьи добавляют к этому еще и деликтоспособность либо конкретные права и обязанности, возникающие непосредственно из закона. Некоторые ученые полагают, что правосубъектность включает в себя и правовой

статус, иные, напротив, считают ее составной частью правового статуса, третьи – отождествляют их» [24, с. 30].

«Несмотря на дискуссии, сторонники всех позиций едины в том, что правосубъектность – характеристика, свойство субъекта права» [9, с. 76–77].

Полагаем, что главной характеристикой правосубъектности служат не только и не столько правоспособность и дееспособность, поскольку эти категории «решают» совершенно иные задачи в праве.

В качестве заявленного аргумента вновь процитируем О. А. Красавчикова: «Думается, что попытка раскрытия существа правосубъектности через категорию “права” неудачна» [12, с. 37].

Основной (судьбоносной) характеристикой правосубъектности выступают сами субъекты гражданских прав, поскольку правовая цель данной категории не что иное, как их обозначение.

С возникновения гражданской правоспособности ее «счастливый обладатель» является правосубъектным, поскольку за ним уже признаются соответствующее право и корреспондирующая ему обязанность.

Но если правоспособность *de-facto* и *de-iure* фактически равна для всех субъектов гражданских правоотношений, то правосубъектность даже равнозначных лиц (например, физических лиц) всегда отличается.

«Достаточно признания лица участником отношений, урегулированных нормами хотя бы одной отрасли права, чтобы считать его правосубъектным. Поскольку лицо может быть субъектом отношений независимо от того, способно ли оно приобретать, осуществлять права и обязанности своими действиями, т.е., иначе говоря, независимо от того, обладает ли оно дееспособностью, правосубъектность не представляет собой совокупности правоспособности и дееспособности. Следовательно, наличие правоспособности означает также наличие правосубъектности независимо от наличия дееспособности» [23, с. 75].

Не отрицая справедливости процитированных суждений, лишь заметим, что одновременное возникновение правоспособности и правосубъектности не свидетельствует о равнозначности этих юридических конструкций.

Правосубъектность может возникать и тогда, когда еще не возникла правоспособность, и иметь место при отсутствии оной. Правосубъектность в качестве решающей характеристики определяется именно статусом (свойством) и положением (состоянием) лица в гражданском обороте, а право и дееспособность – его правовыми возможностями и их реальной реализацией.

С позиции квалификации правосубъектности как правового статуса, положения лица в гражданском обороте, в дальнейшем и попытаемся сформулировать особенности правосубъектности отдельных лиц, групп, образований.

Об особенностях правосубъектности физических лиц

Является достаточно общеизвестным фактом, что русское, советское и, наконец, российское гражданское законодательство никогда не оперировало термином «правосубъектность физического лица»¹, а равно – «правосубъектность неродившегося, равно умершего лица». Вместо этого понятия в гражданском праве и гражданском законодательстве давно и повсеместно используются категория «правоспособность физического лица» и категория «дееспособность физического лица».

Правосубъектность физического лица представляет собой так называемое «имущественное и статусное состояние» гражданина, уникальность этого состояния обусловлена предпринимательскими и потребительскими способностями конкретного индивидуума. На содержание правосубъектности влияют характерологические особенности личности (например, неумелое и неразумное распоряжение денежными средствами и иным имуществом, неумение брать на себя ответственность за принятые решения, легкомысленность и несвоевременность в платежах по долговым обязательствам и т. д.).

Правонаделение с достаточной степенью условности можно отнести к начальной или, попробуем применить образное выражение, – «зародышевой стадии» правосубъектности. Дальнейшую интерпретацию этой «стадии» не представляется возможным ни смоделировать,

ни спрогнозировать. Правонаделение – один из составных компонентов правосубъектности, имеющий определяющее (судьбоносное) значение применительно к любому субъекту права.

Подобно тому, как один гражданин наделяется одним объемом субъективных прав и соответствующими этим правам обязанностями исходя из составляющих его практической жизнедеятельности (женат, индивидуальный предприниматель, участник хозяйственного общества, собственник элитной недвижимости и т.д.), другой гражданин, в свою очередь, наделяется другим объемом прав и соответствующими этим правам обязанностями (холост, государственный служащий, проживающий в коммунальной квартире по договору социального найма и т.д.).

Подобное «правонаделение» и составляет так называемый «начальный» объем правосубъектности. В некоторых случаях правосубъектность может иметь иное (более широкое) правовое содержание, нежели правоспособность. Или, у неродившегося ребенка правоспособность не возникла, но зародыш (наситурус) при наличии определенных условий (появлении на свет) становится носителем субъективных прав и обязанностей, поскольку это прямо предусмотрено действующим гражданским законодательством – статьей 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Так почему же насцитуруса нельзя признать правосубъектным, ежели само его фактическое наличие уже свидетельствует о его праве в силу закона?

Поскольку насцитурус de-facto наделяется правом до его «физического обособления», постольку такое право с момента появления зародыша, подтвержденного медицинским освидетельствованием, может быть любым предусмотренным законом способом защищено его законными представителями.

Тогда возникает закономерный вопрос: разве защита права может существовать сама по себе, вне зависимости от ее субъекта?

Возможность подобной защиты как раз и свидетельствует о возникновении правосубъектности насцитуруса (зародыша), правоспособность которого возникает только с момента рождения самого ребенка.

¹ Данный термин широко применяется в доктрине гражданского права.

Возьмем на себя смелость говорить о более широком категорийном значении правосубъектности физического лица, нежели правоспособность физического лица.

Воля зародыша вовне еще не выражена, поскольку детерминирована волей другого лица или нескольких лиц (его биологических отца и матери, иных родственников, медицинских работников), поэтому объективно «требуется» социальная защита его права, прежде всего на жизнь!

Не думаем, что воля любого и каждого зародыша направлена на преждевременное прекращение его жизни и дальнейшего физического развития; смеем предположить, что эта воля **всегда!** детерминирована к жизни и к ее соответствующим атрибутам, в том числе и правовым!

Подобные подходы в вопросе характеристики правосубъектности лица до его физического обособления использовались еще в русском гражданском праве XIX века!

«Между прочим, и другое положение, что правоспособность начинается с момента рождения, тоже неправильно, и этом видно уже из сообщаемых тут же рядом с ним положений о зародышах, младенцах в утробе матери. А именно рядом с традиционным отрицанием правоспособности и личности до момента рождения также традиционно сообщается, что для младенца в утробе матери сохраняются разные права, в том числе наследственные, что для охраны соответствующих прав (т. е. для предъявления исков в качестве представителя плода и т. д. может быть для него назначен особый попечитель, сугатор и т. д.; или даже просто и ясно говорится, что младенец в утробе матери имеет «некоторые частные и публичные права» (Денбург, Пандекты, параграф 50). Таким образом, продолжение изложения учения о начале правоспособности содержит скрытое неясными выражениями о сохранении прав или ясное и открытое противоречие тому, что говорится о начале этого учения.

«Если бы современное правоведение не ограничивалось положениями римского и современного права относительно субъектов, а расширило горизонт и материал своего учения, обратившись к правам других степеней культуры, то оно убедилось бы, что для признания человеческих существ субъектами прав и обязанностей не нужно даже и зачатия. Так, по правам известных ступеней культуры, заклю-

чаются договоры, приобретаются права, например право собственности, признаются обязательства не только от имени и на имя всех живущих, но и от имени и на имя всех потомков («на все времена»), всего семени и т. п.» [14, с. 323–324].

Пойдем в своих рассуждениях далее, полагаем, что правосубъектность «свойственна» не только не «появившемуся на свет» физическому лицу, но и умершему лицу.

Попытаемся обосновать возможность такой «квалификации» умершего физического лица – именно как правосубъектного, обозначив следующие аргументы.

Первым аргументом правосубъектности физического лица после его смерти могут служить положения авторского права, предусматривающие сохранение авторства в течение 70 лет, начиная с года, следующего за годом его фактической смерти (пункт 1 статьи 1281 ГК РФ).

Вторым аргументом правосубъектности физического лица после его смерти могут служить положения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), поскольку de-facto позволяют изменить его наследственное имущество.

Является ли в рассматриваемом случае умершее лицо субъектом права, и почему арбитражный суд признает банкротом уже не существующее в реальной действительности лицо, а не констатирует несостоятельность (или реальное отсутствие) его наследственного имущества?

Для начала обратимся к материалам современной арбитражной судебной практики, позволяющей некоторым исследователям иногда адекватно оценить реально существующие общественные отношения.

Выборочное изучение формирующейся в Российской Федерации (2015–2017 годы) судебной практики рассмотрения дел о признании физических лиц несостоятельными (банкротами)² показало, что в мотивировочной части судебных актов констатируется несостоя-

² Постановления Арбитражного суда: Волго-Вятского округа от 24 окт. 2016 г. по делу А82-15597/2015; Центрального округа от 30 янв. 2017 г. по делу А83-1835/2006; Северо-Западного округа от 15 окт. 2015 г. по делу А13-5304/2013, от 21 марта 2016 г. по делу А13-16577/2014; Поволжского округа от 1 апр. 2015 г. по делу Ф06-22614/2013; постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 19 мая 2016 г. по делу А82-15597/2015.

тельность (банкротство) именно умершего физического лица, а не его наследственного имущества.

Цитата: «Суд решением от 03.03.2015 признал Гасанова Аббаса Идаят оглы несостоятельным (банкротом), ввел процедуру реализации имущества гражданина, утвердил финансовым управляющим должника Горшкова К. Г. и включил требования Лапаевой Д. В., подтвержденные вступившим в законную силу решениями Фрунзенского районного суда города Ярославля в реестр требований кредиторов должника третьей очереди»³.

Лишь в редких случаях арбитражные суды «высказываются» о банкротстве наследственной массы.

Цитата: «Вместе с тем законодательство о банкротстве не предусматривает введение банкротства в отношении самих наследников. В указанном случае подлежит возбуждению дело о банкротстве умершего (наследственной массы).

Дело о банкротстве гражданина (его наследственной массы) может быть возбуждено после его смерти (п. 1 статьи 223.1 Закона о банкротстве). В этом случае заявление в суд могут подать кредитор, уполномоченный орган, а также наследники должника.

Права и обязанности гражданина в деле о его банкротстве в случае его смерти или объявления его умершим осуществляют наследники гражданина, а до их определения осуществляет исполнитель завещания или нотариус по месту открытия наследства (пункт 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве).

В конкурсную массу входит имущество, составляющее наследство гражданина (п. 7 статьи 223.1.)»⁴.

Или, применяя современное законодательство о банкротстве физических лиц, de-facto арбитражные суды не разграничивают субъекты и объекты прав.

Следует заметить, что соответствующая практика в Российской Федерации находится в стадии формирования, поэтому необходимо обозначить и иные подходы в указанном вопросе.

Например, в рекомендациях научно-консультативного совета при арбитражном суде одного из округов Российской Федерации на вопрос: «будет ли возбуждение о банкротстве гражданина распространяться в том числе и на него как индивидуального предпринимателя при наличии у должника соответствующего статуса у физического лица» – дан ответ: возбуждение дела о банкротстве гражданина будет распространяться на него и как на индивидуального предпринимателя при наличии у должника соответствующего статуса, поскольку у такого лица *единая правосубъектность и имущественная масса*»⁵ (курсив наш. – С. П.)

А теперь в целях дальнейшего доктринального исследования процитируем известного ученого XIX века Г. Ф. Шершеневича: «Несостоятельность является особым состоянием имущества, а не лица, которое признается его субъектом. Цель объявления кого-либо несостоятельным и учреждение по делам его конкурса состоит в том, чтобы привести в известность имущество и долги несостоятельного определенными законом способами с сохранением по возможности интересов как должника, так и всех его кредиторов, не давая из числа последних, пользующихся по своим претензиям равными правами, предпочтения одному перед другим» [21, с. 216, 218].

Не будем отрицать очевидное – главной прерогативой несостоятельности является неспособность физического лица обеспечить уплату по долговым обязательствам перед кредиторами тем имуществом, которое находилось у него к моменту смерти.

Но предложенный не далее как в XIX веке подход (может быть, и вполне разумный и правильный, сформулированный в виде концепции лежащего наследства) к квалификации несостоятельности умершего гражданина, смеем утверждать, «исчерпал» себя в XXI веке.

Сущность этого подхода, прежде всего, отвечает потребностям имущественного оборота, не подвергнувшегося экспансии информационных технологий и цифрового (виртуального) пространства.

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.10.2016 по делу А82-15597/2015.

⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2016 г. по делу А12-4504/2016.

⁵ Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа по итогам заседания 22–23 сентября 2016 года (г. Вологда), п. 24, размещены на официальном сайте соответствующего суда.

Современные тенденции развития российского общества свидетельствуют о формирующейся тенденции повсеместной индивидуализации человеческого пространства, что, в свою очередь, напрямую связано с бурным развитием IT-технологий в имущественном и неимущественном обороте.

Между тем основными факторами, которые будут влиять на развитие прав в будущем, можно назвать глобализацию, цифровую экономику (digitalisation) и мировой финансовый кризис.

Далее, преимущественное большинство участников имущественного оборота начинает втягиваться в виртуальное пространство, которое «обратной стороной» может «высвечивать» серьезные репутационные риски для конкретного физического лица в будущем, обусловленные и несостоятельностью (банкротством).

Однако современный российский законодатель, игнорируя современные экономические реалии, «внедрил», концепцию, суть которой сводится к следующему.

«Смерть должника, торговые дела которого пришли в расстройство, не составляет препятствия для объявления несостоятельности. Имущество, оставшееся после смерти должника, представляет собой наследственную массу, которая ожидает еще себе хозяина или уже нашла себе нового субъекта. Соответственно тому, пока наследство не приятно субъектом, объявляемым в положение несостоятельности должно быть само наследство как юридическое лицо» [21, с. 218].

Или: более ста лет назад в доктрине русского гражданского права выдвигался тезис, что при наступлении универсального правопреемства и в случае инициирования процедуры банкротства в отношении наследодателя возникает именно несостоятельность наследственного имущества. Возьмем на себя смелость интерпретировать эти суждения так: к банкротству умершего физического лица *de-facto* применялась концепция банкротства юридического лица.

Или: ежели *не существует реального субъекта права*, то в этом случае применяются правила о банкротстве также не существующего в *объективной реальности субъекта права* – *юридического лица*.

Но уместен ли такой подход в современных реалиях имущественного оборота? Только на так называемой «переходной» стадии развития человечества – от эпохи прерогативы материальных благ к эпохе прерогативы информационных благ. Кроме того, современные тенденции развития российского общества свидетельствуют о серьезном «обособлении» субъектов прав от объектов прав, что объективно связано с развитием информационных технологий и цифрового пространства.

Заметим, не всеми признаваемые в науке гражданского права «вещные» права на имущество (собственность, сервитут, залог и т.д.) имеют «привязку» к субъекту (физические лица, юридические лица, публичные образования); или само по себе право без его обладателя теряет ценностное значение и логический смысл.

Дополнительно следует обозначить, что только фактические и юридические действия субъекта права, в том числе и уже умершего физического лица, приводят к *«неплатежеспособному состоянию»* его имущества, в том числе наследственной массы, а не наоборот.

Другое дело, что умершее физическое лицо не обладает так называемой «естественной возможностью» изменить свое имущественное состояние, или ежели возможность удовлетворить в полном объеме требования кредиторов у живых людей полностью не утрачена, то у мертвых людей она абсолютно невозможна. Подобные «прописные» истины кажутся естественными, если бы не ранее обозначенные позиции известных цивилистов XIX века.

Еще раз повторим, что отсутствует смысл отрицать, что после смерти физическое лицо утрачивает правоспособность в естественном порядке. Если в случае инициирования судебной процедуры банкротства отсутствующего должника в результате явки и обнаружения физического лица возможно так называемое «восполнение» правоспособности, то в случае смерти это совершенно невозможно в силу естественных (биологических) причин.

Но остается ли в случае инициирования несостоятельности (банкротства) умершее лицо правосубъектным? Можем утверждать, что да, поскольку уже после смерти арбитражный суд констатирует изменение его имущественного состояния.

В качестве дополнительной аргументации приведем интересную цитату одного из ярчайших ученых-правоведов Л.И. Петражицкого: «В самом учении о физических лицах как отдельных живых людях, обладающих правоспособностью с момента рождения до момента смерти, обыкновенно сообщаются такие положения (официального) права, из которых видно, что подлежащие основным учениям о физических лицах неправильны, в частности, что правоспособность не прекращается непременно в момент смерти, что иметь права и обязанности могут и покойники» [14, с. 321].

Еще в конце XIX века некоторыми учеными de-facto разграничивались понятия правосубъектности и правоспособности.

Поэтому завершим исследование этого вопроса логическим выводом: **несостоятельность (банкротство) – это юридическое состояние не объекта права, а субъекта права. Умершее лицо, в период рассмотрения судом вопроса о его несостоятельности (банкротстве), можно считать правосубъектным, так как его правовая связь с обществом не утрачена.**

Дополнительно заметим, что правосубъектность физических лиц, приносим извинения за тавтологию, «физически не обособленных» в имущественном и неимущественном обороте, может быть аргументирована теорией динамической правоспособности М. М. Агаркова.

Суть этой теории ее автор изложил так: «...правоспособность должна быть понята динамически. Гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами» [1, с. 72].

«Теория динамической правоспособности должна быть отвергнута и при характеристике специальной правоспособности юридических лиц. Основной порок теории динамической правоспособности состоит в том, что ее сторонники смешивают объем правоспособности субъекта права (гражданина и организации) с объемом принадлежащих лицу в каждый данный момент субъективных прав» [20, с. 13].

Полагаем, что соответствующая критика применительно к категории правоспособности может быть и справедлива, но является совер-

шенно неверной и абсолютно несправедливой для категории гражданской правосубъектности.

Даже учитывая обозначенную доктринальную критику, теория динамической правоспособности «более подходит» для характеристики категории правосубъектность. Именно правосубъектность является динамичной, вариативной, гибкой категорией, и она зависит не только от взаимоотношения с иными лицами, но и от состояния (статуса) физического лица на конкретном этапе его социального развития. Поэтому правосубъектность – более всего планомерно «развивающаяся» правовая конструкция, не поддающаяся статичному состоянию.

Предваряя обоснованную критику, заметим, что факт отсутствия практического смысла обозначения такой правосубъектности в текущий временной период очевиден: никаких имущественных и неимущественных предпочтений для любого и каждого не существующего в реальной действительности субъекта права эта теоретическая конструкция не имеет.

Предполагаем, что практический смысл такой **вариативной юридической категории** «правосубъектность» возникнет в ближайшем будущем. Эта юридическая конструкция даст возможность четко обозначить «имущественное и неимущественное состояние» любого субъекта права на любой стадии его развития, или вновь используем образные выражения: «зародышевой», «начальной», «активной», «постактивной» и, наконец, «неактивной».

Если же заглянуть в не такое уж далекое будущее, то так называемая вариативная категория «правосубъектность» имеет реальную возможность получить «практическое применение» в эпоху объективной реализации теории относительности Альберта Эйнштейна.

Возникает ли правосубъектность у роботов как участников гражданских отношений?

Особенности правосубъектности роботов

Ранее мы упоминали об использовании категории правосубъектность в целях разграничения таких правовых форм, как субъекты гражданского права и объекты гражданского права.

Ценность подобного разграничения приводит к пониманию возникновения в современном имущественном обороте фактического нового субъекта права – виртуального образования, или робота.

Начнем с того, что современная российская цивилистика вообще не оперирует таким прилагательным, как «виртуальный» и, тем более, юридической конструкцией «виртуальное лицо».

Однако эти понятия давно и повсеместно используются в общественной терминологии, встречаются в юридической литературе [15, с. 51], используются в терминологии исследователей информационного права.

Следует согласиться с Л. К. Терещенко: «Инфраструктура как сервис означает аренду вычислительных мощностей, но не физически, а виртуально. Пользователю предоставляется виртуальный сервер с уникальным IP-адресом (или набором адресов), структура для хранения данных и возможность управления этим комплексом» [18, с. 219–220].

Обозначим трактовку виртуального лица – «сетевая» проекция реального физического лица либо «придуманый» этим же лицом вымышленный персонаж, функционирующий лишь в виртуальном пространстве.

Подобных проекций и персонажей у одного физического лица может быть бесчисленное множество.

Информационная телекоммуникационная сеть Интернет набирает обороты, а посему – постепенно, но очень последовательно становится реальным «конкурентом» материального мира.

С развитием информационной телекоммуникационной сети Интернет роботизированные системы (роботы) также постепенно и последовательно вовлекаются в имущественный и немущественный оборот, а потому становятся участниками и правового пространства!

«В некотором смысле рассматриваемая проблематика может быть уподоблена дискурсу интернет-права, и потому допустимо провести параллель с позицией Л. Лессига, согласно которой анализ проблем регулирования отношений в сети Интернет, несмотря на свой принципиально межотраслевой характер, может позволить взглянуть по-новому на отдельные положения фундаментальной юридической науки. Но если основные выводы исследователя были связаны в основном с общетеоретической проблематикой соотношения между различными социальными регуляторами, то в данном случае в центре внимания может оказаться именно *правосубъектность* [4, с. 170].

Присоединимся к указанному суждению и напомним так называемое «классическое» понимание юридической категории «правосубъектность», суть которой в свое время была емко отражена О. А. Красавчиковым: «В чем же состоит специфика правосубъектности как юридической формы? Кратко ответить на этот вопрос можно так: она состоит в том, что правосубъектность как юридическая форма служит юридической мерой способности участия лиц в соответствующих гражданских отношениях. Данная мера подобно всем правовым формам юридически определяет границы» [11, с. 17].

Правовые границы правосубъектности в цивилистике традиционно обозначаются сквозь призму разграничения между субъектами и объектами гражданских прав.

Например, согласно параграфу 285 Всеобщего гражданского кодекса Австрии, «все, что отлично от лица и служит для использования людьми, в правовом смысле называется вещью» [7, с. 54].

Однако любое правовое разграничение является условным, зависящим от воли физических лиц, а также от так называемой «правовой проекции».

Но следует ли применять категорию правосубъектности к роботам (роботизированным системам)?

Для начала заметим, что В. В. Архиповым, В. Б. Наумовым термин «робот» определяется в ключе сложного устройства, функционирующего на основе собственной информационной системы, способного к автономным действиям и физическому взаимодействию с окружающим миром» [4, с. 157].

Современное российское гражданское законодательство, а за ним и правоприменительная практика квалифицируют роботов (роботизированные системы) в качестве объектов гражданских прав.

Цитата: «Как видно из материалов дела, на основании внешнеэкономического контракта... ООО ... ввезло на таможенную территорию Таможенного союза по декларациям на товары... *товар* (курсив наш. – С. П.) «модель гуманоидного робота NAO NEXT GEN и сменный модуль (лазерная голова NAO) предназначена для демонстрационных целей в качестве обучающей модели на кафедрах робототехни-

ки, технических университетом, применяется в области развития искусственного интеллекта... Является автономным, интерактивным и полностью программируемым гуманоидным роботом. Может применяться для научно-исследовательских работ в области развития искусственного интеллекта»⁶.

Аналогичным образом виртуальные лица («роботы») квалифицируются и в некоторых иных судебных актах⁷.

Есть немногочисленные примеры арбитражной судебной практики, когда роботы (роботизированные системы) квалифицируются как субъекты гражданских прав.

Цитата: «При этом исследование проводилось экспертом на основании изучения сообщений программных файлов операционной системы Windows и изучения сообщений роботом программы “Uni”, поскольку привести аппарат в рабочее состояние эксперту не удалось»⁸.

Или роботизированная система de-facto выполняла функции субъекта гражданских правоотношений – эксперта.

Современная российская цивилистика «не признает» данные общественные явления в качестве субъектов гражданских прав.

Нет никакого логического смысла обозначать эти явления в гражданском праве (их квалификацию) с правовой конструкции либо животных, либо юридических лиц (публичных образований). Первые (животные) не обладают в материальном мире социальным статусом, идентичным физическим лицам, что закономерным образом определяет их правовое положение. Вторые (публичные образования и юридические лица) являются не чем иным, как объединениями физических лиц для достижения поставленных этими лицами целей – как частных, так и публичных.

⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 сент. 2015 г. по делу А56-67074/2014.

⁷ Определение высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № ВАС-1681/13; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 апр. 2017 г. по делу А56-31881/2013; решение Суда по интеллектуальным правам от 21 мая 2015 г. по делу № СИП-211-2015; постановления Арбитражного суда Московского округа: от 17 окт. 2017 г. по делу А40-215201/2016, от 31 окт. 2017 г. по делу А40-230655/2016; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 марта 2017 г. по делу № ф09-757/17.

⁸ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14 февр. 2017 г. по делу № А54-4956/2015.

Главное и важное: основной целью функционирования роботов (роботизированных систем) в обществе является *замещение физических лиц*.

В правовом пространстве роботы (роботизированные системы) являются не чем иным, как **«осознанной проекцией человека» или quasi-физическим лицом**.

Заметим, что «правосубъектность представляет собой «имущественное и статусное состояние» физического лица, **уникальность** которого обусловлена **его индивидуальными ресурсными способностями и возможностями** [15, с. 50].

Поскольку роботы (роботизированные системы) в реальном пространстве (материальном мире) замещают некоторые, а иногда и все социальные функции человека, то почему эти quasi-физические лица нельзя признавать правосубъектными?

Поскольку деятельность любого робота (любой роботизированной системы) напрямую «зависит» от информационных ресурсов и технических возможностей, постольку данные компоненты и составляют **правосубъектность данного общественного явления (явлений)!**

Современные тенденции развития российского общества свидетельствуют о серьезном «обособлении» субъектов прав от объектов прав, что обусловлено тенденцией повсеместной индивидуализации человеческого пространства.

Индивидуализация субъектов прав свидетельствует о том, что важную юридическую ценность для реальных (физических лиц) и виртуальных (роботов) субъектов гражданских правоотношений будут иметь информационные ресурсы (в противовес материальным ресурсам).

Или, «может быть, **в недалеком будущем в гражданском праве все и все будут “танцевать” вокруг “информационных продуктов”**» [16, с. 7].

Соответственно, станет более значимой доля роботов (роботизированных систем) в имущественном и неимущественном обороте.

К вопросу ответственности роботов (роботизированных систем) следует отнести очень серьезно, поскольку **отвечает в реальном пространстве за неправомерное содеянное пока человек!**

На текущий временной период можно использовать простое правило распределения рисков ответственности (полной, повышенной, ограниченной) между физическими лицами и quasi-физическими лицами.

Резюмируем: *к роботу, равно как и к роботизированной системе, как сложным механическим устройствам, de-facto «стремящимся» соответствовать параметрам органического существа – человека, правовые конструкции, используемые для животных, юридических лиц (публичных образований), не применимы. Эти общественные явления в юридическом смысле представляют собой некую «сознательную проекцию» человека, или являются quasi-физическим лицом, либо объединениями quasi-физических лиц.*

Смеем утверждать: роботов и роботизированные системы объективно необходимо будет признавать субъектами гражданских правоотношений в недалеком будущем.

На данном этапе развития общественных отношений к этим явлениям можно попробовать применять правовую форму «виртуального лица».

Особенности правосубъектности публичных и частных образований

De-facto и публичные образования, и юридические лица представляют собой не что иное, как объединения людей, поэтому можно набраться смелости и исследовать категорию правосубъектности этих «искусственных» субъектов в однородном порядке.

Для обоснования заявленной позиции заметим, что главное «разделительное» начало этих конструкций права (юридические лица и публичные образования) выступает в обосновании их существования исключительно в публичном или частном интересе.

Но на само категорийное понимание правосубъектности это обоснование не оказывает какого-либо заметного юридического влияния, поскольку здесь имеет значение не сама по себе цель объединения, а факт достижения конкретного имущественного, равно и неимущественного, результата.

Если рассматривать публичные образования, то они, естественно, имеют свою специфику: могут самостоятельно принимать правила регулирования в сфере гражданского оборота,

принимать акты, из которых возникают гражданские правоотношения, иметь властные функции, опосредованно влияющие на права других субъектов.

Если говорить о юридических лицах, то они рассматриваются как обобщающее юридико-техническое понятие, служащее для признания лиц или вещей правосубъектными феноменами.

Почему они становятся таковыми (в силу какого критерия, в силу каких многочисленных теорий: теории интереса, теории целевого имущества, теории фикции, теории организации, теории администрации, теории правового средства, теории персонифицированного имущества и т. д.), в целях исследования категории правосубъектность решающего значения также не имеет.

Напомним давно сформулированные и верные суждения: «Цель публичного права – общество, частного – человек» [26, s. 23].

Начнем с юридических лиц.

Зачастую для достижения общих целей необходимо объединять имущество. В этом случае требуется решить четыре задачи: во-первых, обеспечить защиту совместного имущества от внешних посягательств третьих лиц; во-вторых, создать условия для эффективного управления (владения) общим имуществом; в-третьих, создать механизм, обеспечивающий использование имущества для достижения поставленных целей и противодействующий нарушениям, связанным с неправильным (вследствие неосторожности или умысла) использованием имущества; в-четвертых, создать механизм для принятия решений относительно порядка управления общим имуществом и механизм урегулирования споров – в случае возникновения разногласий [8, с. 19].

Поскольку мы пытаемся обосновать наличие единого подхода в формировании правосубъектности юридических лиц и публичных образований, то можем констатировать законодательные и правоприменительные правила некоторых зарубежных правовых порядков.

Так, в Федеративной Республике Германии «публичными объединениями лиц являются государство и внутренние объединения. В теории гражданского права под внутренними объединениями понимаются, например, федерации (Bund), федеральная земля (Bundesland), общи-

на (Gemeinde) как юридические лица, обладающие публичными правами на определенной территории, или частные объединения, образованные в добровольном или принудительном порядке, основанные на определенных профессиональных группах (Personalkopfellschaft), например адвокатские коллегии, торгово-промышленные палаты [8, с. 47].

Аналогичные нормы существуют и в гражданском праве Франции.

«Юридическими лицами публичного права во Франции являются государство, округа, департаменты, общины, общественные учреждения, а также объединения общественных интересов.

Государство вправе делегировать отдельные свои полномочия местным коллективам, наделяя их самостоятельностью в вопросе принятия решений. Местные коллективы осуществляют свои права и обязанности только в пределах определенной территории округа, департамента или общины, потому они часто называются территориальными коллективами. Такие административно-территориальные единицы, как район или кантон, не имеют статуса субъекта права, следовательно, не являются юридическими лицами.

Статус юридического лица, которое наделяется правом самостоятельного предоставления вверенных ему услуг, имеют многие публичные учреждения, осуществляющие научную, культурную, социальную, финансовую, торговую, медицинскую и т.д. деятельность. В форме публичных учреждений во Франции существуют высшие учебные заведения, общественные больницы, лицеи, колледжи, центры социального обеспечения в общинах, кассы муниципального кредита и т.д.» [19, с. 97–98].

Несмотря на то что подобная классификация в современном гражданском законодательстве Российской Федерации *de-iure* отсутствует, *de-facto* она применима и для нашей правовой системы.

Позволим себе утверждать, что правосубъектность юридического лица и публичного образования имеет главный квалифицирующий признак – правосубъектность носит **характер привилегии, бонуса, признания.**

Это «признание» дает одним коллективным общественным образованиям реализовывать свои коллективные права, а может не давать другим общественным образованиям пра-

во такой реализации в силу отсутствия соответствующего статуса. До наделения подобным правовым статусом правосубъектность юридических лиц и публичных образований *de-facto* не возникает, равно как и *de-iure*.

По своему юридическому содержанию правосубъектность юридических лиц и публичных образований тем и отличается от правосубъектности физических и виртуальных лиц, что она как не существует до наделения **правовым статусом «искусственных образований»**, так и не существует после **прекращения этого статуса!**

Принципиальные отличия правосубъектности юридического лица от правосубъектности публичного образования могут быть рассмотрены в контексте «имущественного объединения людей» и «территориального объединения людей».

Ни одно, ни другое объединение никоим образом не «дает» в полном объеме «раскрыться» категории «правосубъектность», поскольку объединение лиц (чем оно больше и разнороднее) всегда «вскрывает» определенный конфликт интересов.

Этот конфликт интересов на практике приводит к размытому пониманию категории «правосубъектность», когда статус соответствующего субъекта существует лишь у конкретных лиц, имеющих административные властные рычаги управления (в конкретном публичном образовании и юридическом лице).

Или, например, в качестве субъектов предпринимательской деятельности, в юридической литературе называют коллективные образования, не обладающие статусом юридического лица.

«Статус финансово-промышленных групп (холдингов) весьма показателен: недопустимо сводить все коллективные образования к гражданско-правовой категории “юридическое лицо”. Субъектами права, в том числе и гражданского, могут быть образования, не обладающие признаками юридического лица» [17, с. 75].

Не будем заострять внимание на этих проблемах и сделаем следующий вывод: правосубъектность юридических лиц и публичных образований всегда имеет свойство статуса, уникальность которого обусловлена их *коллективными ресурсными способностями и возможностями.*

**Возникает ли правосубъектность семьи
(социальной группы)
как участника семейных отношений?**

Особенности правосубъектности семьи

Предлагаемый алгоритм в части квалификации особенности правосубъектности публичных образований и юридических лиц рискнем использовать в целях характеристики еще более древнего общественного образования, в настоящее время именуемого социальной группой или семейным союзом.

Цели создания семьи – удовлетворение, прежде всего, личных, а уже потом имущественных потребностей людей, потребностей в любви, взаимопонимании, взаимной вырубке и поддержке, социальной адаптации к меняющимся экономическим и историческим условиям современного общества.

Между тем исторически, генетически, а более всего традиционно любой и каждый семейный союз предполагает наличие имущественных связей между его участниками, поскольку семья объективно не может не развиваться экономически, как самостоятельная хозяйственная единица общества.

Когда создается социальное партнерство, союз, «семейное товарищество», его участник (супруг) априори подчиняется его правилам. Но меняют ли эти социальные правила «правовую оболочку» семейного союза? Однозначно да, поскольку в гражданском обороте супруги уже выступают совместно, определяя для себя соответствующие границы возможного либо должного поведения.

Физические лица, состоящие в браке либо являющиеся членами конкретной семьи, с учетом общего мнения всех членов такого семейного сообщества, устанавливают соответствующие границы поведения в обществе, как правовые, так и социальные.

Попытаемся проанализировать категорию правосубъектности в семейном праве с разграничения этой категории с категорией правосубъектности в гражданском праве. Особенность семейной правосубъектности состоит в содержательном характере семейных правоотношений, базирующемся на наличии двух важных социальных феноменов – семьи и брака. Семья может быть охарактеризована как значимый для общественных процессов и явлений

институт: «общество – это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул» [22, с. 83].

Семья как личный союз все же имеет обобщающую характеристику как объединение людей, созданных в том числе для достижения общественных полезных целей, например рождение детей. Однако конструкция семьи, понимаемая как социальный союз супругов, имея древнюю этимологическую сущность, при наличии определенных условий может приобретать явно выраженное правовое содержание.

Данное правовое содержание обусловлено общностью частных интересов членов семьи с возможным их вступлением в противоречие с интересами иных лиц, групп, образований. «Семья – базовый институт гражданского общества, который обеспечивает условия для реализации частных интересов отдельных членов семьи, интересов семьи в целом, общества и государства» [10, с. 33].

Подобное общественное значение в современном правосознании уделяется и браку как отдельному социальному феномену. Заметим, что в юридической литературе брак традиционно рассматривается в социологическом и правовом аспектах. Вот одно из определений брака в социологическом смысле – «исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их отношения друг к другу и к детям» [5, с. 634].

В зарубежном и в российском семейном праве брак рассматривается как сделка, как статус, как институт особого рода (*sui genesis*).

Характеристика брака как статуса наиболее емко отражает семейную правосубъектность, наделяя участников брачного союза общностью личных и имущественных интересов, которые могут отличаться от личных и имущественных интересов лиц, не состоящих в браке, соответственно от их гражданской правосубъектности.

Правосубъектность участников такого семейного союза может быть не равнозначной, поскольку представляет собой вариативное юридическое состояние каждого из супругов, это состояние является гибким, изменчивым, эластичным, мобильным.

Семейное право оперирует несколькими иными, нежели в гражданском праве, катего-

риями субъектов, к коим относятся супруги, родители, дети, опекуны, попечители и т.д., хотя в целом они имеют общую правовую характеристику физических лиц. Эта характеристика ничуть не различает содержание гражданской правоспособности и гражданской дееспособности этих лиц, но серьезно влияет на содержание их семейной правосубъектности.

Семейная правоспособность представляет собой абстрактное юридическое понятие, такая правоспособность иногда не зависит от воли, сознания, действий, соглашений участников семейных правоотношений.

В свою очередь, семейная дееспособность – способность физического лица своими действиями приобретать и осуществлять для себя семейные права, создавать для себя семейные обязанности и исполнять их. В литературе не все ученые признают наличие семейной дееспособности, обуславливая необходимость ее характеристики лишь по достижении определенного возраста [13, с. 11].

Сторонники иной позиции полагают, что наличие семейной правоспособности не является необходимой предпосылкой возникновения, изменения и прекращения всех семейных правоотношений [3, с. 88–89].

Из указанных точек зрения видно, что правовая грань между гражданской правосубъектностью и семейной правосубъектностью является «тонкой», «размытой», но она есть и определяется *именно статусом участника семейного отношения!*

«Правосубъектность в одном из своих аспектов может быть понимаема как взаимосвязь лица и общества по поводу будущих отношений первого со всеми третьими лицами – субъектами гражданского права. Именно поэтому ее принято рассматривать в качестве одной из предпосылок возникновения конкретных гражданских правоотношений» [11, с. 19].

Ежели принять во внимание этот совершенно верный тезис, то правосубъектность супруга выступает предпосылкой возникновения отношений не только и не столько с субъектами семейного права, но и с субъектами гражданского права. Семейную правосубъектность следует рассматривать как обобщающую предпосылку возникновения семейных и гражданских правоотношений, поскольку зачастую

такие правоотношения взаимосвязаны и взаимобусловлены.

Такую же характеристику можно принять в целях понимания правосубъектности в семейном праве, а именно правосубъектности супругов. Но поскольку супруги всегда характеризуются как союз, объединение, товарищество, то можно ли обозначать семью с позиции ее правосубъектности? Правосубъектность супругов может выступать в качестве правовой формы, поскольку предполагает возможность физических лиц участвовать в имущественном и неимущественном обороте в обязательной зависимости от их соответствующего статуса.

Так, любой из супругов фактически имеет ограничения в совершении сделок с имуществом, находящимся в общей совместной собственности, условием дачи согласия на совершение сделки другим супругом. Правовой режим общей совместной собственности предполагает общность имущественных интересов, закономерно приводящих к выработке единых правил внутрисемейного регулирования имуществом, что, в свою очередь, свидетельствует о выработке единых правил социального поведения супругов. У супругов вырабатывается единый подход к разрешению не только и не столько конфликтов, явно имеющих правовой характер, как, прежде всего, многообразных общественных конфликтов.

Исходя из общего понимания категории правосубъектности семьи как одного из важных элементов политического, правового, социального развития данного общественного образования такая социальная группа никоим образом «не претендует» на категорию «правосубъектность».

Однако нельзя сбрасывать со счетов правовой аспект семьи, закономерно свидетельствующий о субъективном характере семейного сообщества (его субъекты действуют сообща и в одном «направлении»).

Ежели рассмотреть правовые конструкции обобщающе, то можно заметить, что правовая проекция, которую применяет человек к общественным отношениям для удобства своей деятельности, впоследствии может находить логическое и практическое применение в будущем.

Такой алгоритм следует применить к семейным отношениям в контексте правосубъ-

ектности семьи – семейное товарищество как полноправный участник правового социума.

В качестве доказательства правосубъектности супругов (семейного сообщества) рассмотрим примеры арбитражной судебной практики.

На «первичном» этапе формирования практики применения законодательства о банкротстве граждан к вопросу совместной подачи заявлений о признании несостоятельными (банкротами) супругов отдельные арбитражные суд субъектов Российской Федерации подошли «лояльно».

Так, при рассмотрении одного из дел о банкротстве Л. и его супруги Л. арбитражный суд принял совместное заявление супругов, ссылаясь на наличие общих денежных обязательств не менее чем 500 000 рублей и недостаточность стоимости принадлежащего им имущества для удовлетворения требований всех кредиторов.

Арбитражный суд de-facto мотивировал процессуальную возможность рассмотрения совместного заявления о банкротстве супругов следующим:

«Присоединение к заявлению Л. его супруги Л. не влечет неблагоприятных последствий для банка в виде банкротства супруга, поскольку он обладает правом на самостоятельное обращение с заявлением ввиду наличия у него денежных обязательств перед кредиторами в размере не менее чем 500 000 рублей.

Кроме того, банкротство Л. в отдельном от супруги производстве никоим образом не улучшает, а даже усугубляет положение банка при дальнейшем распределении конкурсной массы, нежели при банкротстве супругов в одном производстве, в силу приведенной банком нормы пункта 1 статьи 45 Семейного кодекса РФ.

При таких обстоятельствах довод банка о невозможности совместного рассмотрения заявлений супругов об их банкротстве отклоняется судом кассационной инстанции, как не направленный на восстановление прав и законных интересов кассатора.

Более того, пункт 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве позволяет подать в арбитражный суд заявление о признании его банкротом в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии исполнить денеж-

ные обязательства и(или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Согласно разъяснениям, данным в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» при реализации должником права на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом на основании пункта 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве учитывается наличие обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что должник не в состоянии исполнить обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, и признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества у должника (пункт 3 статьи 213.6 Закона о банкротстве). Размер неисполненных обязательств в этом случае значения не имеет⁹.

По другому делу, приняв к производству заявление банка о банкротстве супругов, арбитражный суд констатировал такую процессуальную возможность такой мотивацией:

«Должники А. и А. являются супругами, что подтверждается представленным в материалы дела свидетельством о заключении брака.

Статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Общим имуществом являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или иные коммерческие организации, и любое другое нажитое в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого и кем внесены денежные средства.

Кредитный договор устанавливает солидарную ответственность заемщиков по договору. Таким образом, долг по данному кредитному договору является общим долгом супругов.

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 марта 2017 г. по делу А27-6391/2016.

Согласно пункту 7 статьи 213.26 закона «О несостоятельности (банкротстве)», имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом) подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам. Одновременно предусмотрена возможность расчета с кредиторами супруги (супруга) по общим обязательствам с супругом гражданина-банкрота в деле о его банкротстве.

Согласно пункту 2 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации, общие обязательства (долги) супругов – это те обязательства, которые возникли по инициативе супругов в интересах всей семьи, или обязательства одного из супругов, по которым все полученное им было использовано на нужды семьи. Общими долгами (обязательствами) супругов, пока не доказано обратное, являются в числе прочего и кредиты в банках либо в финансовых организациях, полученные на нужды семьи.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что должники имеют общие обязательства, то есть общих кредиторов, которые для удовлетворения своих притязаний могут претендовать на имущество супругов, имеющее режим совместной собственности, в связи с чем допустимо в данном случае формирование единого реестра требований кредиторов и формирование конкурсной массы в едином деле о банкротстве должников.

Возбуждение и рассмотрение дел о банкротстве каждого из супругов приведет лишь к увеличению судебных расходов на проведение процедур банкротства и споров по вопросу, в каком именно деле о банкротстве следует реализовывать совместное имущество супругов»¹⁰.

Однако с 2017 года четко обозначился подход, согласно которому практически все арбитражные суды субъектов Российской Федерации отказывают в принятии совместного заявления супругов о признании должников несостоятельными (банкротами).

Суть такого подхода без какой-либо вариативности¹¹ в правовой оценке в разных судебных

актах арбитражных судов может быть сведена к следующему:

«Из материалов дела следует, что, обращаясь в суд с настоящим заявлением, заявители указали на то, что являются супругами, имеют общее имущество и обязательства, общих кредиторов.

Между тем, как верно указано судом первой инстанции, семья не является субъектом в рамках дела о банкротстве, в том числе банкротства физических лиц, и не наделена правоспособностью в рамках дела о несостоятельности (банкротстве); правами и обязанностями, а не семья в целом.

Закон о банкротстве наделяет правами и обязанностями каждого из супругов при банкротстве должника – физического лица, а не семью в целом.

Ответственность супругов по обязательствам регулируется главой 9 Семейного кодекса Российской Федерации, при этом действующий Закон о банкротстве не содержит норм о банкротстве двух или нескольких должников в рамках одного дела.

Также наличие общей задолженности должников, например солидарной, не препятствует обращению кредитора с требованием исполнения обязательств к одному из должников, соответственно, не препятствует ведению дела о банкротстве только в отношении одного из должников.

В силу закона каждый из заявителей имеет право на самостоятельное обращение в арбитражный суд о признании его несостоятельным (банкротом).

Исходя из изложенного у суда первой инстанции имелись правовые основания для неприятия к производству совместного заявле-

---

4440/2017-ГК; 14-го арбитражного апелляционного суда от 23.03.2018 № А13-8725/2016; 13-го арбитражного апелляционного суда от 24.03.2017 № 13АП-1709/2017; 11-го арбитражного апелляционного суда от 19.09.2017 № А65-20684/2016; 9-го арбитражного апелляционного суда от 19.06.2017 № 09АП-26034/2017; 7-го арбитражного апелляционного суда от 08.08.2017 № 07АП-6486/2017/1, от 15.02.2018 № 07АП-1031/2018/1; 4-го арбитражного апелляционного суда от 28.12.2016 № А19-9333/2016; 17-го арбитражного апелляционного суда от 15.12.2017 № 17АП-18834/2017-ГК; 13-го арбитражного апелляционного суда от 22.02.2017 № 13АП-2589/2017; 12-го арбитражного апелляционного суда от 24.08.2017 № А06-3464/2017; 2-го арбитражного апелляционного суда от 07.04.2016 № А82-1882/2016; 1-го арбитражного апелляционного суда от 16.03.2017 № А43-26919/2016.

¹⁰ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 дек. 2017 г. по делу А33-11455/2017.

¹¹ Постановления: 18-го Арбитражного апелляционного суда от 09.02.2018 № 18-АП-16823/2017; 17-го арбитражного апелляционного суда от 10.04.2017 № 17АП-

ния П. о признании их несостоятельными (банкротами)¹².

Между тем в статье 45 Семейного кодекса Российской Федерации прямо предусмотрен абсолютно разный режим обращения взыскания на имущество супругов:

– по общим обязательствам супругов либо индивидуальным обязательствам каждого из супругов (если судом установлено, что все полученное по такому индивидуальному обязательству использовано на нужды семьи) – на общее имущество супругов;

– по индивидуальным обязательствам – на имущество каждого из них, а при его недостаточности – на долю супруга-должника, которая бы ему причиталась при разделе общего имущества супругов.

Ежели арбитражным судом будет очевидным образом установлено, что неплатежеспособность супругов обусловлена неисполнением их общих обязательств, то почему нельзя инициировать их совместное банкротство?

В обоснование этого довода приведем три аргумента.

Во-первых, цитату признанного классика гражданского процессуального права Т. М. Яблочкова: «Гражданский процесс, направленный на разрешение правовых конфликтов, не покоится ни на каких самостоятельных, извне взятых постулатах, он покоится на ряде правил целесообразности, имеющих один критерий их правильности – приспособленность к возможному достижению цели процесса: установление материальной правды, под коей мы понимаем соответствие решения закону и действительным обстоятельствам дела, послужившим поводом к спору между сторонами» [25, с. 374].

Во-вторых, при использовании судами второго подхода de-facto нарушается принцип справедливости, поскольку в одних судебных актах арбитражные суды и суды общей юрисдикции неукоснительно его соблюдают, а в иных – нет.

Наконец, последний, самый главный теоретический аргумент. Режим совместной собственности является априори определяющим: у супругов общие доходы и общие обязательства, что дает, прежде всего, «материальную возможность», а уже потом – ее процессуальную

реализацию общего освобождения от возникших обязательств в результате неплатежеспособности супругов.

В рассматриваемой ситуации ключевым (определяющим) фактором выступает не правосубъектность супругов (семьи), а используемый ими режим совместной собственности, при котором могут быть применены так называемые «совместные» и «отдельные» банкротства (применительно к конкретным обстоятельствам спора между кредитором (кредиторами) и должником (должниками).

Полагаем, что семья может выступать субъектом отношений, поскольку правосубъектность каждого из супругов может «наполняться» единым правовым содержанием. Единое содержание определяется единством имущественных обязанностей, которые приводят к однозначному критерию (основанию) их невыполнения перед кредиторами, что, в свою очередь, свидетельствует о возможности «объединения» имущественных прав и обязанностей супругов (семьи).

Поэтому семья, как самостоятельное социальное образование, может в некоторых случаях получать правовой статус (правосубъектность) во взаимоотношениях с иными участниками правового пространства.

Поскольку категория правосубъектности свойственна не только лицам (физическим и юридическим), но и образованиям (государственным и муниципальным), постольку разве невозможно ее использование для характеристики и отдельных социальных групп, в частности семьи?

Выводы

1. Правосубъектность в гражданском и семейном праве представляет собой самостоятельную юридическую форму, в которую облакаются участники имущественного и неимущественного оборота.

Правосубъектность представляет собой **вариативное юридическое состояние** любого и каждого субъекта права, это состояние является гибким, изменчивым, мобильным.

Правосубъектность представляет собой «имущественное и статусное состояние», **уникальность** которого обусловлена **индивидуальными ресурсными способностями и возможностями** физического лица.

¹² Постановление 7-го арбитражного апелляционного суда от 15 февр. 2018 г. № 07АП-1031/2018/1.

2. Сам по себе факт одновременного возникновения у субъектов правоотношений правоспособности и правосубъектности не свидетельствует о равнозначности этих юридических конструкций.

Считаем, что именно правоспособность возникает вслед за правосубъектностью, но не наоборот!

Правосубъектность может возникать и тогда, когда еще не возникла правоспособность, и иметь место при отсутствии оной. Правосубъектность в качестве решающей характеристики определяется именно статусом, положением, состоянием лица, а правоспособность и дееспособность – его правовыми возможностями и их практической реализацией.

3. Правосубъектность физических лиц может возникать до их физического обособления и не прекращаться смертью.

Поскольку nasciturus de-facto наделяется правом до его «физического обособления», постольку такое право с момента появления зародыша, подтвержденного медицинским освидетельствованием, может быть любым предусмотренным законом способом защищено его законными представителями.

Равным образом умершее лицо, в период рассмотрения вопроса судом о его несостоятельности (банкротстве), до утраты его права авторства произведений литературы, искусства можно считать правосубъектным, так как его правовая связь с обществом не утрачена.

4. Правосубъектность юридических лиц и публичных образований имеет свойство статуса, обретаемого на основании условий определенного общественного образования.

Этот статус в обязательном порядке носит временные границы, не может «выходить» как за пределы времени, так и за пределы компетенции.

По своему юридическому содержанию правосубъектность юридических лиц и публичных образований тем и отличается от правосубъектности физических и виртуальных лиц, что она как не **существует до надления правовым статусом «искусственных образований», так и не существует после лишения их соответствующего юридического статуса.**

Поэтому рамки такого коллективного образования четко определены и существенно ограничены.

Здесь действует принцип правовой проекции: пока правовая проекция существует для удобства людей, она реальна, но, когда проекция перестает существовать, ни о какой правосубъектности юридических лиц и публичных образований не может быть и речи.

5. Робот, как сложное механическое устройство, по своему юридическому содержанию может быть рассмотрен как сознательная проекция физического лица.

Поэтому робот (виртуальное лицо) вполне «может претендовать» на такую же **квалификацию правосубъектности, которая существует у физического лица**, уже в недалеком и неминуемом будущем.

6. И последнее. Семья как социальное явление может выступать именно субъектом имущественных прав, что обусловлено совместным выполнением супругами имущественных обязанностей в интересах семейного общества.

Наконец, режим совместной собственности является априори определяющим: у супругов общие доходы и общие обязательства, что дает, прежде всего, «материальную возможность», а уже потом – ее процессуальную реализацию общего освобождения от возникших обязательств в результате неплатежеспособности супругов. Поэтому семья как самостоятельное социальное образование может в некоторых случаях получать правовой статус (правосубъектность) во взаимоотношениях с иными участниками правового пространства.

Библиографический список

1. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1940. 192 с.
2. *Алексеев С. С.* Юридические конструкции – ключевое звено права // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М.: Статут, 2001. 395 с.
3. *Антокольская М. В.* Семейное право. М.: Юристъ, 1996. 366 с.
4. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. Май. С. 157–170.
5. *Большая советская энциклопедия* / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 3. 672 с.
6. *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 376 с.

7. *Всеобщий* гражданский кодекс Австрии = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch / пер. с нем. С. С. Маслова. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 272 с.
8. *Грачев Д. О., Саликов С. Р.* Федеративная республика Германия. Общие подходы к регулированию юридических лиц. Виды юридических лиц: монография / под ред. Н. Г. Семилютина. М.: Норма, 2015. 427 с.
9. *Долинская В.В.* К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 2.
10. *Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Изд. дом «Городец», 2007. 192 с.
11. *Красавчиков О. А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. Вып. 62. С. 5–26.
12. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2017. Т. 2: Кафедра гражданского права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 492 с. (Классика рос. цивилистики).
13. *Нечаева А. М.* Семейное право. Курс лекций. М.: Юристъ, 1998. 165 с.
14. *Петражицкий Л. И.* Теория государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2002. 606 с.
15. *Полич С. Б.* Правосубъектность и физическое лицо // Проблемы права. 2017. № 3(62). С. 50–52.
16. *Полич С. Б.* Принципы в гражданском праве: учеб. пособие. Челябинск: Цицеро, 2017. 28 с.
17. *Предпринимательское право России: учебник / В. С. Белых, Г. С. Берсункаев, С. И. Виниченко и др.; отв. ред В. С. Белых.* М.: Проспект, 2010. 649 с.
18. *Тереженко Л. К.* Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИН-ФРА-М., 2014. 227 с.
19. *Терновая О.А.* Франция. Общие подходы к регулированию юридических лиц. Виды юридических лиц: монография / под ред. Н. Г. Семилютина. М.: Норма, 2015. 427 с.
20. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 88 с.
21. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. М.: Статут, 2003. Т. 4. 456 с.
22. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1982. 238 с.
23. *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск: Полиграфист, 1972. 210 с.
24. *Яковлев В. Ф.* Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. Вып. 62. С. 30–39.
25. *Яблочков Т. М.* К учению об основных принципах гражданского процесса // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М.: Статут, 2005. 425 с. (Классика рос. цивилистики).
26. *Savigni F.* System des heutigen römischen Rechts. 1840. Т. 1.

References

1. *Agarkov M. M.* *Objazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Obligation under Soviet Civil Law]. Moscow, 1940. 192 p. (In Russ.).
2. *Alekseev S. S.* *Juridicheskie konstrukcii – kljuchevoe zveno prava* [Legal Constructions as the Key Element of Law]. *Civilisticheskie zapiski: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [Civil Notes: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Moscow, 2001. 395 p. (In Russ.).
3. *Antokol'skaja M. V.* *Semejnoe pravo* [Family Law]. Moscow, 1996. 366 p. (In Russ.).
4. *Arkhipov V. V., Naumov V. B.* *O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovanij razvitija zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'ektnosti* [On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: the Aspects of Will and Legal Personality]. *Zakon – ZAKON*. May 16–20, 2017. Pp. 157–170. (In Russ.).
5. *Bol'shaja sovetskaja enciklopedija / pod red. A. M. Prokhorova. 3-e izd.* [The Great Soviet Encyclopedia; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed.]. Vol. 3. Moscow, 1970. 672 p. (In Russ.).
6. *Bratus' S. N.* *Sub'ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of Civil Law]. Moscow, 1950. 376 p. (In Russ.).
7. *Vseobshnij grazhdanskij kodeks Avstrii = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch / per. s nem. S. S. Maslova* [General Civil Code of Austria = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch; transl. from Germ. by S. S. Maslov]. Moscow, 2011. 272 p. (In Russ.).
8. *Grachev D. O., Salikov S. R.* *Federativnaja republika Germanija. Obshhie podkhody k regulirovaniju juridicheskikh lic. Vidy juridi-*

- cheskikh lic* [Republic of Germany. General Approaches to the Regulation of Legal Entities. Types of Legal Entities]. Juridicheskie lica v grazhdanskom prave zarubezhnykh stran: monografija / pod red. N.G. Semiljutinoj [Legal Entities in Civil Law of Foreign States: Monograph; ed. by N. G. Semiljutina]. Moscow, 2015. 427 p. (In Russ.).
9. Dolinskaja V.V. *K voprosu o razvitii sistemy uchastnikov grazhdanskogo oborota* [To the Question of Development of the Civil Circulation Participants System]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Pravo»* – Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”. 2015. Vol. 15. Issue 2. Pp. 76–77. (In Russ.).
  10. Il'ina O. Ju. *Problemy interesa v semejnom prave Rossijskoj Federacii* [Issues of Interest in the Family Law of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 192 p. (In Russ.).
  11. Krasavchikov O. A. *Grazhdanskaja pravosub"ektnost' kak pravovaja forma* [Civil Legal Personality as a Legal Form]. *Pravovye problemy grazhdanskoj pravosub"ektnosti: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Legal Problems of Civil Legal Personality: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Vol. 62. Sverdlovsk, 1978. Pp. 5–26. (In Russ.).
  12. Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy: v dvukh tomakh* [Categories of the Science of Civil Law. Selected Works: in 2 vols.]. Vol. 2. Kafedra grazhdanskogo prava juridicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova [Chair of Civil Law of the Faculty of Law of Moscow State University named after M.V Lomonosov]. Moscow, 2017. 492 p. (In Russ.).
  13. Nechaeva A. M. *Semejnoe pravo. Kurs lekcij* [Family Law. Lecture Course]. Moscow, 1998. 165 p. (In Russ.).
  14. Petrazycki L. I. *Teoriya gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti* [The Theory of State in Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg, 2002. 606 p. (In Russ.).
  15. Polich S. B. *Pravosub"ektnost' i fizicheskoe lico* [Legal Personality and Physical Person]. *Problemy prava – Issues of Law*. 2017. Issue 3 (62). Pp. 50–52. (In Russ.).
  16. Polich S. B. *Principy v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie* [Principles in Civil Law: Tutorial]. Chelyabinsk, 2017. 28 p. (In Russ.).
  17. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: uchebnik / V.S. Belykh, G. S. Bersunkaev, S. I. Vinichenko i dr.; otv. red V. S. Belykh* [Entrepreneurial Law of Russia: Textbook; V.S. Belykh, G.S. Bersunkaev, S.I. Vinichenko et al.; ed. by V.S. Belykh]. Moscow, 2010. 649 p. (In Russ.).
  18. Tereshhenko L. K. *Modernizacija informacionnykh otnoshenij i informacionnogo zakonodatel'stva: monografija* [Modernization of Informational Relationships and Informational Legislation: Monograph]. Moscow, 2014. 227 p. (In Russ.).
  19. Ternovaja O.A. *Francija. Obshhie podkhody k regulirovaniju juridicheskikh lic. Vidy juridicheskikh lic* [France. General Approaches to the Regulation of Legal Entities. Types of Legal Entities]. Juridicheskie lica v grazhdanskom prave zarubezhnykh stran: monografija / pod red. N.G. Semiljutinoj [Legal Entities in Civil Law of Foreign States: Monograph; ed. by N.G. Semiljutina]. Moscow, 2015. 427 p. (In Russ.).
  20. Tolstoj Ju. K. *K teorii pravootnoshenija* [To the Theory of Legal Relations]. Leningrad, 1959. 88 p. (In Russ.).
  21. Shershenevich G. F. *Kurs torgovogo prava* [The Course of Commercial Law]. Vol. IV. Moscow, 2003. 456 p. (In Russ.).
  22. Engels F. *Proiskhozhenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow, 1982. 238 p. (In Russ.).
  23. Jakovlev V.F. *Grazhdansko-pravovoj metod regulirovanija obshhestvennykh otnoshenij: uchebnoe posobie* [The Civil-Law Method of Regulation of Public Relations: Tutorial]. Sverdlovsk, 1972. 210 p. (In Russ.).
  24. Jakovlev V. F. *Otraslevoj metod regulirovanija i grazhdanskaja pravosub"ektnost'* [Branch Method of Control and Civil Legal Personality]. *Pravovye problemy grazhdanskoj pravosub"ektnosti: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Legal Problems of Civil Legal Personality: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk, 1978. Vol. 62. Pp. 30–39. (In Russ.).
  25. Jablochkov T. M. *K ucheniju ob osnovnykh principakh grazhdanskogo processa* [To the Study of the Main Principles of the Civil Process]. *Sbornik statej po grazhdanskomu i torgovomu pravu* [Collected Articles on Civil and Commercial Law]. Moscow, 2005. 618 p. (In Russ.).
  26. Savigny F. *System des Heutigen Römischen Rechts*. Vol. 1. Berlin, 1840. 590 p. (In Germ.).